

Гао Ту вошел в офис и сразу почувствовал неладное. Воздух был пропитан незримым напряжением, а коллеги, завидев его, отводили глаза и торопливо отворачивались. Предчувствие беды, не покидавшее его с прошлой ночи, стало лишь острее. Болезнь младшей сестры, подозрения Шэнь Вэньлана и тайна, которую он хранил на дне души целых десять лет — всё это давило на плечи тяжелее гранитных плит.

Не успел он дойти до своего стола и выпустить из рук портфель, как из кабинета генерального директора донесся глухой грохот, словно что-то тяжелое с силой ударилось о дверь. В следующую секунду дверь распахнулась. На пороге стоял Шэнь Вэньлан с лицом холодным, как лед, а напротив него — не менее разъяренный Шэн Шаою, от которого исходила удушающая аура гнева.

Сердце Гао Ту пропустило удар. Что Шэн Шаою делает здесь в такое время? И судя по их лицам, между ними только что вспыхнула яростная ссора.

— Шэнь Вэньлан, у меня нет времени ходить вокруг да около! — голос Шэн Шаою, полный сдерживаемого бешенства, разорвал тишину офиса. — Я забираю Хуа Юна. Он больше не останется здесь.

Взгляд Шэнь Вэньлана был ледяным, а голос звучал властно и безапелляционно:

— Хуа Юн — сотрудник моей компании. Его судьбу решаю я. Не кажется ли вам, господин Шэн, что вы слишком далеко заходите?

— Сотрудник? — Шэн Шаою насмешливо фыркнул, пронзая Шэнь Вэньлана острым взглядом. — Шэнь Вэньлан, не думай, что я не знаю, зачем ты держишь его подле себя в качестве секретаря! Он не пешка, которой ты можешь распоряжаться по своему усмотрению!

Гао Ту стоял неподалеку, впиваясь ногтями в ладони так, что кожа побелела. Хуа Юн... Шэнь Вэньлан и Хуа Юн... Он вспомнил невероятно красивое лицо Хуа Юна и тот неуловимый, манящий блеск в его персиковых глазах, когда тот смотрел на Шэнь Вэньлана. Острая, болезненная вспышка пронзила сердце — это было куда страшнее, чем испуг от внезапного появления Шэн Шаою.

Шэнь Вэньлан не стал оправдываться перед Шэн Шаою. Он сделал шаг вперед, высвободив мощную подавляющую ауру Альфы, и прямо посмотрел в глаза сопернику. Его голос, четкий и холодный, разнесся по притихшему офису:

— Хуа Юн теперь мой.

Мой.

Это слово обожгло сердце Гао Ту, словно раскаленное клеймо. Десять лет он бережно хранил в

самой глубине души чувства, в которых боялся признаться даже самому себе, а Шэнь Вэньлан сейчас так легко и властно применил это слово к другому человеку. Гао Ту понимал, что это лишь способ утвердить свое превосходство в споре с Шэн Шаою, но неприкрытый собственнический тон заставил его задохнуться от боли.

Значит, человек, которого он любит, уже давно считает кого-то другого своей собственностью. Кем же тогда были эти десять лет молчаливого обожания и самоотверженного труда? Лишь нелепой, смешной иллюзией?

В этот момент противостояние достигло своего пика. Оба Альфы, окончательно выведенные из себя, выпустили на волю свои феромоны. Две мощные, агрессивные волны столкнулись в воздухе, словно вышедший из берегов поток. Холодный, властный аромат ириса, напоминающий полярный шторм, сцепился в яростной схватке с обжигающим, диким запахом текилы.

Воздух стал тяжелым, словно свинцовым.

— А-а! — стоявшие поблизости коллеги-Беты побледнели и, подкашиваясь, вцепились в столы, а сотрудники-Омеги едва не рухнули на колени.

Гао Ту, стоявший ближе всех, принял удар на себя. Несмотря на все усилия подавить инстинкты Омеги с помощью лекарств, его тело отреагировало бурно. Перед глазами поплыло, желудок скрутило спазмом. Ноги стали ватными, и ему пришлось вцепиться в перегородку, чтобы не упасть. Железа на затылке, спрятанная под пластырем, горела огнем, словно ее пытались разорвать на части. Холодный пот градом катился по спине.

Как же плохо... еще немного, и я не выдержу...

Но еще больнее было внутри. Он смотрел на двух ослепительных, могущественных Альф, сражающихся за другого Омегу, и чувствовал себя лишь жалким, никчемным наблюдателем, который вот-вот станет случайной жертвой этой бури.

Нельзя так оставлять! Здесь офис, вокруг люди! Если они не остановятся, последствия будут катастрофическими.

Неизвестно откуда взявшаяся храбрость — быть может, это был профессиональный инстинкт секретаря, а может, глубоко спрятанное желание уберечь Шэнь Вэньлана от неприятностей — заставила его сделать то, от чего он сам пришел в ужас. Стиснув зубы, преодолевая боль и тошноту, Гао Ту разжал пальцы и, шатаясь, двинулся вперед.

Он решительно шагнул в двухметровое пространство между Шэнь Вэньланом и Шэн Шаою, в самый эпицентр смертоносного шторма феромонов.

— Господин Шэнь! Господин Шэн! — голос Гао Ту дрожал от напряжения, но прозвучал отчетливо.

Он раскинул руки, пытаясь своим хрупким телом разделить двух Альф, готовых взорваться, как пороховые бочки.

— Пожалуйста... прошу вас, успокойтесь! Это же офис! Обо всем можно договориться спокойно!

Он стоял спиной к Шэн Шаою и лицом к Шэнь Вэньлану. Он чувствовал за спиной ярость, жгучую, как пламя, а перед собой — холод, сковывающий все живое на тысячи миль вокруг. Две страшные ауры давили на него, заставляя каждую клетку тела молить о спасении. Но он не отступил. Он поднял голову, и в его бледных глазах, полных слез и боли, читалась отчаянная мольба.

Шэнь Вэньлан явно не ожидал, что Гао Ту бросится под удар. Увидев его шатающуюся фигуру, особенно встретившись взглядом с этими глазами, полными муки, он на мгновение замешкался. Гао Ту выглядел так, будто вот-вот потеряет сознание.

Шэн Шаою тоже опешил, но тут же взъярился еще сильнее:

— Убирайся! Это тебя не касается!

Гао Ту вздрогнул от окрика, но остался стоять, подобно тростинке, решившей преградить путь урагану. Шэнь Вэньлан, не сводя глаз с лица Гао Ту, видел его отчаянную попытку устоять, и гнев, вызванный присутствием Шэн Шаою, странным образом начал утихать. Его сменило сложное чувство, которое он и сам не мог бы объяснить.

Он глубоко вздохнул и первым отозвал свои феромоны. Взгляд его оставался холодным, но голос стал мягче, обращаясь и к Гао Ту, и к Шэн Шаою:

— Довольно. Шэн Шаою, если хочешь поговорить — зайдем внутрь.

Напряжение в теле Гао Ту резко спало, ноги подкосились, и он едва не рухнул на пол, успев ухватиться за шкаф с документами. Он жадно хватал ртом воздух, чувствуя, что только что вернулся с того света.

Шэн Шаою бросил на Гао Ту яростный взгляд, затем посмотрел на Шэнь Вэньлана, который уже пришел в себя, и, сдержанно фыркнув, последовал за ним в кабинет.

Дверь закрылась.

Гао Ту без сил прислонился к шкафу. Сердце бешено колотилось, одежда прилипла к телу от холодного пота. Его охватило опустошение, но еще яснее он чувствовал ту кровавую пустоту, которую оставили в его душе слова о том, что Хуа Юн — собственность Шэнь Вэньлана.

Человек, которого он хранил в сердце десять лет, на его глазах провозгласил свои права на другого. А у него самого не осталось даже права на эту боль.

<http://bllate.org/book/19762/1946122>